

ОТЗЫВ

официального оппонента на диссертацию Горобия Александра Олеговича «Ревизионное производство в гражданском процессе ФРГ», представленную на соискание ученой степени кандидата юридических наук по специальности 5.1.3 Частно-правовые (цивилистические) науки

Правовая сфера общества весьма изменчива, она особенно динамична в периоды серьезных преобразований. Это в полной мере относится и к той ее области, которая связана с деятельностью суда. При этом проблематика оптимальной модели высшего звена национальной системы правосудия, по общему правилу, является одной из самых значимых. Причем не только для обеспечения прав и законных интересов лиц, обращающихся за судебной их защитой самого по себе, но и того, как в обществе воспринимается (в том числе, и оценивается) эффективность соответствующей системы правосудия.

Упомянутые выше общие гносеологические постулаты в полной мере применимы к судебной-правовой сфере современной России, которая и ныне в значительной степени переживает пореформенный период своего развития. Разумеется, они касаются и поиска наиболее адекватного нынешним социально-правовым реалиям формата функционирования высшей судебной инстанции. И без особого риска ошибиться можно утверждать, что этот поиск едва ли завершен и в сфере гражданского судопроизводства, являющейся, пожалуй, наиболее востребованной лицами, заинтересованными в судебной защите своих прав и законных интересов.

При таком положении дел не вызывает сомнений, что осмысление зарубежного опыта процессуальной деятельности высших судебных инстанций, является и в настоящее время весьма **актуальным**, как в теоретическом, так и практическом плане.

По большому счету, изучение зарубежного правового опыта бесполезно и в случае выявления того, что отечественный правовой порядок предлагает регулирование, не уступающее (а, возможно, и превосходящее) по каким-то качественным характеристикам, зарубежный правовой порядок. Это

тоже важный результат в аспекте познания, уже хотя бы потому, что мы получаем, по сути, взгляд на отечественный правопорядок в контексте зарубежного правопорядка, причем дающий основания для оптимизма. Но особенно ценно, когда в результате анализа зарубежного опыта выявляются погрешности отечественного правопорядка, с одной стороны, а с другой, преимущества зарубежного правопорядка, поскольку это потенциально создает возможность для усовершенствования нашей правовой (в том числе, понятно, и судебной) системы.

Рациональной предпосылкой выбора объекта познания при этом является известность того, что зарубежный правопорядок имеет сходство с нашим правопорядком, в плане генезиса и/или реально функционирующих правовых институтов. И немецкий, на наш взгляд, очевидно, относится к таковым.

В этой связи избрание Горобием А.О. (далее также соискатель) в качестве объекта исследования ревизионного производства в ФРГ представляется вполне уместным. При этом следует иметь в виду целый ряд факторов, обуславливающий неизбежное наличие определенных общих черт в правовых сферах двух крупнейших современных государств Европы - России и Германии: принадлежность к романо-германской правовой семье (что не исключает, разумеется, наличия особенностей генезиса и функционирования их судебных систем); федеративное устройство (что, безусловно, влияет не только на судоустройство, но процессуальную деятельность проверочных производств в гражданском процессе) и др.

В этой связи представляется небезосновательным суждение соискателя о том, что наиболее «близким правопорядком для России по поставленным перед высшей судебной инстанцией целям, которые были отточены в многолетней теории и практике является Германия.» (С.7).

С учетом изложенного выше, думается, что не будет преувеличением утверждение, что обращение в российской доктрине только теперь к опыту ревизионного производства ФРГ, выглядит несколько запоздалым. Ведь рассматриваемая диссертация - первое монографическое исследование ревизионного производства ФРГ в нашей процессуальной доктрине.

Более того, даже специальных статей об этом в нашей юридической науке, по большому счету, не имеется. По сути, имеются лишь отдельные, явно попутные суждения о ревизионном производстве ФРГ, которые, на наш взгляд, не дают (да и не могут дать) сколько-нибудь внятное представление о его сущности и значимых содержательных правовых особенностях. А это, соответственно, не позволяет оценить возможные перспективы учета в современных правовых реалиях России позитивного (а в известной мере и негативного) опыта ревизионного производства ФРГ, для выработки оптимальной модели верхнего звена проверочных инстанций в сфере отечественного гражданского судопроизводства.

В аспекте оценки обоснованности **основных положений, выносимых на защиту**, полагаем необходимым отметить следующее.

Заслуживает внимания *первое* положение, выносимое на защиту, в котором дается авторское определение ревизионного производства (С.11), как деятельности суда высшей инстанции по проверке законности судебных актов нижестоящих судов, направленной, как на поддержание единства правоприменения, так и защиту прав участников конкретного спора. В этой связи выглядит логичным и сформулированный в нем же вывод о том, что сущность ревизионного производства состоит в обеспечении баланса между достижением справедливости в каждом конкретном случае и единообразием судебной практики.

Важным в познавательном аспекте представляется вывод о самостоятельности ревизионного производства. Базируясь на осмыслении

генезиса ревизионного производства в Германии (в том числе, в контексте его сравнения с классическим кассационным производством) формулируется вывод о его основании на трех ключевых концепциях деятельности высших судов: обеспечение точного соблюдения правовых норм, контроль за правильностью толкования и контроль аргументации судебных решений (С.11, 22 - 25).

Убедительной выглядит и та мысль соискателя, сформулированная в этом положении, что эволюция ревизионного производства в XX веке демонстрирует его уникальную способность адаптироваться к изменяющимся правовым реалиям, трансформируясь из средства безусловной защиты прав по конкретным делам в механизм обеспечения правовой определенности и единообразия судебной практики. А взаимодействие частноправовых и публично-правовых элементов составляет концептуальную основу ревизионного производства.

Заслуживают внимания и формулируемые *в третьем и четвертом* положениях выводы, касающиеся целей деятельности верховного суда (С.12).

Едва ли стоит оспаривать основанное на сравнительном анализе германского ревизионного и российского кассационного производств суждение, сформулированное соискателем в *пятом* положении, выносимом на защиту (С.12). В нем основательно, на наш взгляд, указано, что германская модель отличается более четкими критериями допуска жалоб, большей прозрачностью процедур, тогда как российская – бóльшими гарантиями на доступ к высшей инстанции: на пути между подателем жалобы и верховным судом есть лишь один этап предварительного контроля, определяющий возможность передачи жалобы на рассмотрение в судебном заседании судебной коллегии Верховного Суда РФ.

В *шестом* положении, выносимом на защиту (С. 12), содержатся сформулированные соискателем критерии допуска ревизионного

производства. Основным из них соискателем небезосновательно указывается принципиальное значение дела, определяемое им, как наличие правового вопроса, который может возникнуть в неопределенном количестве случаев, что затрагивает интерес общества в едином правоприменении.

Заслуживают внимания и выделяемые соискателем в этом же положении дополнительные критерии:

- 1) необходимость прояснения юридического вопроса в случае сомнения в правовой позиции апелляционного суда;
- 2) общее значение правового вопроса;
- 3) фактический или экономический вес дела;
- 4) влияние на дальнейшее развитие права, в частности тех подотраслей, которые динамично развиваются.

При этом соискателем указывается, что решающее значение для допуска ревизионной жалобы имеет не существенность нарушения норм права, а риск повторения ошибки тем же апелляционным судом или ее воспроизведения другими апелляционными судами.

В *седьмом* положении, выносимом на защиту (С.13), в аспекте особенностей реализации принципа диспозитивности в высшем звене судебной системы Германии, соискателем выделяются две отличительные черты.

Во-первых, та, что в определенных случаях допускается возможность ревизионного суда выходить за рамки доводов жалобы при проверке нарушений норм материального права (в отличие от России, где основаниями, влекущими подобный выход признаются процессуальные нарушения, исчерпывающим образом изложенные в законе). Что, по мнению соискателя, создает гибкий механизм контроля законности, позволяющий одновременно учитывать волю сторон и обеспечивать правильное применение права.

А, во-вторых, обеспечение реализации правила запрета поворота к худшему (*non reformatio in peius*), которое хотя и не закреплено в законе, но благодаря последовательной позиции ревизионного суда неукоснительно соблюдается в судебной практике.

Все приведенные выше научные выводы, сформулированные в положениях, выносимых на защиту, базируются на самостоятельном, творческом осмыслении соискателем ревизионного производства в Германии, как особого правового феномена. И в этой связи они очевидно отвечают требованию **новизны**.

Вместе с тем, на наш взгляд, нет оснований усомниться в **достоверности** положений, выносимых соискателем на защиту, поскольку сформулированные соискателем в них выводы корреспондируют доступным знаниям о немецком производстве Германии, включая научную и специальную литературу, правовые акты и материалы судебной практики Германии, которые весьма репрезентативно представлены в диссертации.

Есть в диссертации и немало иных заслуживающих внимания положений, некоторые из которых стоит выделить особо. К их числу, на наш взгляд, в частности, следует отнести три положения диссертации, отражающие некоторые особенности германского гражданского процесса, связанные со следующим:

- с определением момента вступления в законную силу судебных актов, ведь в германском гражданском процессе не только апелляционная, но и ревизионная жалоба подается на судебный акт, не вступивший в законную силу (С.93 и др.);

- с направлением дела на новое рассмотрение в апелляционную инстанцию, имея в виду, что стандарт обязательности судебного акта германского ревизионного суда имеет узкое определение: апелляционный суд связан лишь правовым обоснованием Федерального верховного суда, и только

в той степени, в которой его правовая позиция была причиной для отмены апелляционного решения (С.156-157 и др.). Это, на наш взгляд, важно в аспекте независимости нижестоящего суда. Тем более, если *obiter dicta* (попутно сказанное) в решении Федерального верховного суда, как отмечается соискателем, не связывает апелляционный суд;

- с принятием т.н. руководящих постановлений Федерального верховного суда (С.160-161 и др.), ведь речь идет об актах, пусть и очень отдаленно, но напоминающих не привязанные к конкретным делам разъяснения отечественного Верховного Суда РФ, но при этом принимаемых очевидно в иной, чем в России, юридической процедуре.

Отметим, что познавательное значение этих (равно как и некоторых иных положений рассматриваемой диссертации) нельзя преуменьшать, вне зависимости от того, можно ли их рассматривать, как модели правового регулирования, готовые к рецепции в нынешних юридических реалиях России. Ведь не исключается, что введение их ныне в наш научный оборот – необходимая гносеологическая предпосылка реализации в будущем в системе отечественного гражданского процессуального права.

Все это, впрочем, не означает, что представленная соискателем на защиту диссертация не вызывает замечаний, либо не содержит суждения, которые являются дискуссионными и/или вызывающими вопросы, что, понятно, требует соответствующих пояснений со стороны соискателя.

В аспекте замечаний отметим, что диссертация выглядела бы еще более убедительной, если в ней более полно нашла отражение германская судебная статистика, связанная с ревизионным производством. В особенности, сколько (в абсолютных цифрах и/или процентах) оспаривается в ревизионном порядке в год, сколько ревизионных жалоб за этот период рассматривается по существу, каковы результаты такого рассмотрения. Непонятно и то, сколько (в абсолютных цифрах и/или процентах) отказов апелляции в допуске

ревизионных жалоб отменяется Федеральным верховным судом, каково соотношение рассмотренных последним по существу дел и рассмотренных жалоб на недопуск, принятых апелляционными судами. И, конечно, какова динамика в этом плане, особенно в период, в течение которого действует нынешнее правовое регулирование.

Значимость этого пробела особенно явственно осознается в тех случаях, когда определенная судебная статистика Германии все-таки приводится. Как это, к примеру, усматривается, из приводимых соискателем данных о том, что Федеральный верховный суд принимал в 2024 г. новые решения по 11% рассмотренных им дел (С. 157).

Очевидно, что достаточно репрезентативно представленная в диссертация российская судебная статистика сама по себе не может заменить соответствующей немецкой судебной статистики.

В части положений, вызывающих вопросы отметим следующее.

Из задач рассматриваемого диссертационного исследования (С.9-10) усматривается, что проблематика надзорного производства непосредственно к таковым не отнесена (хотя это производство в тех или иных аспектах и затрагивается в работе). В этой связи, желательно подробнее представить конкретную аргументацию такого выбора соискателя.

Хотя, возможно, некое объяснение этого может состоять в заслуживающем внимания суждении соискателя о том, что о российское надзорное производство должно обеспечивать единообразие практики исключительно между судебными коллегиями Верховного Суда РФ. В пользу указанного довода, им указывается, что предмет надзорной проверки составляют исключительно судебные акты судебных коллегий Верховного Суда РФ. И, соответственно, если бы надзорное производство должно было обеспечивать общее единообразие судебной практики среди всех судов, то и в предмет надзорного производства должны были быть включены судебные акты нижестоящих инстанций, но это не так (С.89). Но в этой связи возникает

вопрос, означает ли этот подход сам по себе неучастие надзорного производства в обеспечении того, что соискатель именует общим единообразием.

Думается, несмотря на то, что надзорное производство, во всяком случае, Президиум Верховного Суда РФ, как надзорная инстанция, далеко не самая активная из проверочных инстанций в гражданском процессе России, тем не менее, указанное производство в целом - процессуальный механизм, который в правовых координатах гражданского процесса России имеет задачи, корреспондирующие (как минимум, частично) ревизионному производству в Германии. В том числе, и обеспечение единообразия судебной практики. И, соответственно, в этом плане, едва ли стоит полностью игнорировать потенциал надзорных отказных определений Верховного Суда РФ, которые в известном смысле также могут рассматриваться, как ориентиры судебной практики.

На наш взгляд, требует дополнительных пояснений со стороны соискателя и соотношение его суждений о целях деятельности верховного суда, сформулированных в третьем и четвертом положениях, выносимых на защиту, с указанной в п.2 задачей диссертации – определение цели ревизионного производства (С.10).

Хотелось бы большей ясности в том, как именно в Германии понимают «развитие права» ревизионным судом, если его развитие признается, как вид публичного интереса, который должен этим судом обеспечиваться, тем более, что «развитие права» рассматривается, как один из критериев допуска ревизионного производства (С.102 и др.).

Из диссертации не совсем ясно и понимание в юридической доктрине Германии соотношения понятий «единообразие судебной практики» и «единство судебной практики».

Не совсем ясно из диссертации и то, как в немецкой юридической (в том числе, процессуальной) доктрине рассматривается обеспечение при существующей модели ревизионного производства на уровне апелляции

справедливости по конкретным делам, в частности, в аспекте критериев отбора ревизионных жалоб.

Имея в виду, что ныне, наряду с Федеральным верховным судом, в Германии сохраняются иные Федеральные верховные суды (к примеру, по трудовым спорам), не совсем понятно, как выглядит ревизионное производство по делам, относящимся к их компетенции, хотя это также сегмент гражданского процесса. И если в этих высших специализированных судах применяются те же гражданские процессуальные нормы, то в какой мере они исходят из разъяснений Федерального верховного суда, как ревизионного суда Германии.

В контексте намечающихся в России изменений регулирования судебного представительства было бы важно в познавательном (а, возможно и в практическом) плане прояснить, существуют ли в Германии в принципе (и если да, то каким именно образом реализуются) ограничения на судебное представительство лиц, участвующих в деле в ходе ревизионного производства.

Указанные выше замечания не умаляют значимости диссертационного исследования.

Рассматриваемая диссертация написана соискателем самостоятельно, обладает внутренним единством, ее содержание свидетельствует о личном вкладе автора в науку гражданского процессуального права, выражающемся во включение в отечественный научный оборот комплекса новых знаний о ревизионном производстве в Германии.

Структура диссертации (введение, три главы, включающие десять параграфов, заключение и список литературы) по своим основным параметрам корреспондирует поставленным в ней цели и задачам.

Базовые выводы соискателя нашли отражение в пяти научных статьях автора в рецензируемых изданиях, рекомендованных для защиты в Диссертационном совете МГУ по специальности диссертации (а также

апробированы в выступлениях соискателя в ходе научных конференций, в том числе, международных).

Диссертация Горобия А.О. соответствует специальности 5.1.3 Частно-правовые (цивилистические) науки, а именно (по меньшей мере) следующим ее направлениям: гражданское, арбитражное и административное судопроизводство в системе судебной власти; стадии гражданского, арбитражного и административного судебного процесса; судебные акты, выносимые на всех стадиях гражданского процесса; проверка и пересмотр судебных актов.».

Вместе с тем диссертация Горобия А.О. отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М.В. Ломоносова к работам подобного рода. Содержание диссертации соответствует специальности 5.1.3 Частно-правовые (цивилистические) науки (по юридическим наукам), а также критериям, определенным пп. 2.1-2.5 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова, а также оформлена согласно требованиям Положения о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Таким образом, соискатель Горобий Александр Олегович заслуживает присуждения ученой степени кандидата юридических наук по специальности 5.1.3 Частно-правовые (цивилистические) науки.

Официальный оппонент:

доктор юридических наук,
профессор кафедры гражданского
и административного судопроизводства
ФГБОУВО «Российский государственный
университет правосудия имени В.М. Лебедева»

Пацация Малхаз Шотаевич

Контактные данные:

тел.: +74953325311; e-mail: civilrap@yandex.ru

Специальность, по которой официальным оппонентом
защищена диссертация: 12.00.15 — Гражданский процесс, арбитражный
процесс

Адрес места работы:

117418, г. Москва ул. Новочеремушkinsкая, дом 69,
кафедра гражданского и административного судопроизводства
Тел.: +74953325311; e-mail: civilrap@yandex.ru

Подпись сотрудника Малхаза Шотаевича Пацация удостоверяю:

Руководитель/кадровый работник _____(_____)

_____ 2025 г.